

чин генерала и титул паши. В 1919 году возглавил национально-освободительное движение в Анатолии. Под его руководством были проведены в 1919 году в Эрзуруме и Сивасе конгрессы буржуазно-революционных обществ «защиты прав» и сформировано в Анкаре (23.04.1920) Великое национальное собрание Турции, объявившее себя верховным органом власти. Как председатель Великого национального собрания Турции, а с сентября 1921 года и как верховный главнокомандующий руководил вооруженными силами в национально-освободительной войне против англо-греческой интервенции. За победу в боях при р. Сакарье (23.08–13.09.1921) Великое национальное собрание Турции присвоило ему звание маршала и титул гази. Под командованием Ататюрка турецкая армия в 1922 году разбила интервентов. По инициативе Ататюрка был упразднен султанат (1.11.1922), провозглашена республика (29.10. 1923), ликвидирован халифат (3.03.1924); проведен ряд прогрессивных реформ буржуазно-националистического характера в области государственного и административного устройства, юстиции, культуры и быта. Основанная Ататюрком в 1923 году на базе обществ «защиты прав» Народная партия, в которой он был пожизненным председателем, выступала против реставраторских попыток феодально-клерикальных и компрадорских кругов. В области внешней политики Ататюрк стремился к поддержанию дружественных отношений между Турцией и Советской Россией, оказавшей турецкому народу бескорыстную помощь в годы его вооруженной борьбы против империалистов, а затем в процессе развития национальной экономики.

5. Родная страна 1951. 13 апреля.

**Ларионов А.Э.,**

кандидат исторических наук, доцент  
(Московский государственный областной университет)

## **АЛКОГОЛЬ КАК КОМПЕНСИРУЮЩИЙ ФАКТОР В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ТОЧКАХ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

*Аннотация.* Статья посвящена анализу роли алкоголя как фактора морального свойства в критических моментах российской истории. На основе опубликованных источников, исследований и архивных документах автором делается вывод о мифологизации роли алкоголя как компенсирующего фактора в жизни народа при повышении тягот и рисков. Главной причиной повышенного потребления алкоголя указывается распад традиционных социальных связей и следующий от этого «культурный шок». Приводятся примеры негативного влияния злоупотребления алкогольными напитками на судьбы людей в экстремальных обстоятельствах.

**Ключевые слова:** война, алкоголь, компенсирующий фактор, общество.

**Larionov A.E.,**  
PhD in Historical science, associate professor  
(Moscow Region State University)

## **ALCOHOL AS A COMPENSATING FACTOR IN THE EXTREME POINTS OF THE RUSSIAN HISTORY**

**Abstract.** The article is devoted to analysis of the role of alcohol as a factor in moral properties in the critical moments of Russian history. Based on published sources, research and archival documents, the author makes a conclusion about the mythologizing of the role of alcohol as a compensating factor in the life of the people while increasing the burdens and risks. The main reason for the increased alcohol consumption indicates the breakdown of traditional social ties and the following from this "culture shock". Examples of the negative impact of alcohol abuse on the lives of people in extreme circumstances.

**Key words.** War, alcohol, a compensating factor, society.

Поскольку статья посвящена соотношению исторической экстремальности и алкоголя в истории России, постольку вначале определимся с понятием исторической экстремальности. Не вдаваясь в терминологические дискуссии, условимся подразумевать под экстремальностью в истории состояние сверхнапряжения социальной системы (народа, государства), вызванное природными либо антропогенными угрозами, требующих для своего преодоления чрезвычайных усилий и жертв со стороны всего общества. Важной константой исторической экстремальности является повышение флуктуационности как социального, так и индивидуального бытия, увеличение рисков для каждого члена социума и для всего него – в целом.

В истории России даже на первый поверхностный взгляд экстремальности хватает. Это и ряд природных катаклизмов (неурожаи, эпидемии), воздействие внешнего фактора (вторжения, набеги, нашествия), наконец, пароксизмы реформаторской активности власти, особенно характерные для западнически настроенной части российской интеллектуальной и политической элиты на протяжении последних трёх столетий. Подчас последние по степени разрушительности своих последствий для Российской цивилизации способны превзойти любую внешнюю агрессию либо природный катаклизм.

Естественно, длительное сверхнапряжение, связанное с преодолением смертельных угроз, вынуждающее миллионы людей на длительные периоды аскетизма, когда импульсивно-волевым усилием блокируется даже инстинкт самосохранения, есть состояние ненормальное для человека, способное породить неврозы и психозы как массовые социальные явления, провоцировать девиантное поведение, ослаблять действие моральных норм и т.п. Разумеется, это не детерминирует индивидуальных реакций, не подчиняет всех людей без исключения, однако бесспорно, что в критических точках истории России (как, впрочем, и любой другой страны) социопатологии резко возрастают.

На этом основании в общественном мнении и даже в околонучных кругах распространился своеобразный миф о том, что традиционным компенсирующим средством для русского человека является потребление алкоголя в увеличенных объёмах, такой своеобразный русский «ответ» на вызовы времени.

Однако, насколько линейна зависимость уровня алкогольного потребления от моментов угроз и напряжения национальных сил в истории?

Ещё в дореволюционное время ряд публицистов выдвигал тезис об обратной пропорциональности урожайности и пьянства в России. То есть, утверждалось, что недород и неизбежно следующий за таковым голод закономерно приводят к росту потребления спиртных напитков в России. Иначе говоря, складывалась парадоксальная в глазах читающей публики картина: при нехватке хлеба для пропитания русские крестьяне в массе своей предпочитали перегонять хлеб на водку вместо того, чтобы хоть как-то свести концы с концами. Тем самым русские пили как бы с отчаяния. Выводы из такого мнимо сердобольного положения следуют вполне русофобские: архетипы русской ментальности ведут к деструктивному типу реакций на вызовы – причём на уровне всего социума. Не говоря о том, что реальная история не подтверждает такого феномена, укажем на факт ниспровержения данного концептуального положения о прямой взаимосвязи между голодом и пьянством. Это особенно важно с точки зрения выработки методологической матрицы для дальнейших рассуждений.

На уровне эмпирики гипотеза о росте пьянства в неурожайные годы не подтверждена таким автором, как А.Н. Энгельгардт в его замечательных «Письмах из деревни». По наблюдениям Энгельгардта, в периоды голода главным компенсационным средством русской деревни становился рост социальной солидарности, «деления беды на всех». Пьянство же вне связи с голодом носило характер разовых релаксаций в форме куража, опять-таки, вне прямой связи с урожайностью. [8, с. 33]

В начале XX века эмпирические наблюдения легальных народников получили теоретические подтверждения в лице некоторых русских

экономистов. Так, в 1911 году в Москве в издательстве Рябушинского была опубликована книга Владимира Карповича Дмитриева «Критические исследования о потреблении алкоголя в России». На основе скрупулёзного анализа земской и центральной статистики, отчётов Министерства финансов об акцизном сборе Дмитриев выстраивает долгосрочные тренды потребления алкоголя в России, в том числе по разным регионам и приходит к выводу о неосновательности прежнего мнения, что пьянство в России есть прямое следствие тяжёлых материальных условий жизни народа. Один из принципиальных выводов Дмитриева звучит следующим образом: «Даже не выходя за пределы деревни, мы находим тесную связь между потреблением алкоголя и распадом патриархальных устоев деревенской жизни». [4, с. 212] Переход от характерного для традиционного крестьянского уклада **спорадического** типа потребления алкоголя к **привычно-регулярному** потреблению характерен в первую очередь для рабочих – то есть тех в массе своей вчерашних крестьян, кто сменил радикально модель жизнеустройства и социальных коммуникаций. Внимание: в обоих случаях речь идёт о сломе традиционного, привычного и устойчивого *modus vivendi* на нечто непредсказуемое, нестабильное, что сопровождается распадом прежних ценностных установок, стереотипов поведения и т.п.

При сохранении традиционного социального уклада роль алкоголя в качестве компенсирующего фактора при экстремальных ситуациях значительно снижена. В качестве примера приведём экстремальную ситуацию природного происхождения – пандемию чумы – «чёрной смерти» в середине XIV века, с 1346 по 1353 годы опустошавшей страны Старого Света. Как считается, в разных странах и местностях вымерло от 1/3 до 1/2 населения. Русь не стала в то время исключением. Однако, ни в летописях, ни в таком специфическом источнике, как митрополичьи и епископские грамоты, в которых как раз чутко фиксировались социальные девиации и патологии, не говорится о пьянстве как массовом социальном недуге того времени. Из социальной и этнической истории нам известно, что именно в этот период происходит формирование великорусского традиционного общества Московской Руси. То есть, традиционный социум не просто сохранялся в гомеостазисе, но приобретал проективную выраженность в постепенно кристаллизовавшейся концепции духовного возрождения (исихазм, св. Сергий Радонежский) и хранения Православия в условиях растущего упадка Византии. Полтора веками спустя эти смутные интуиции обретут чеканное выражение в формуле «Москва-Третий Рим». Итак, наличие/отсутствие метафизически ориентированного социального проекта как непосредственно переживаемой реальности есть второй существенный фактор усиления либо ослабления употребления алкоголя в ситуации исторической экстремальности.

Теперь обратимся к XX веку, который, как известно, выдался особенно богатым на затяжные социально-исторические флуктуации для России. Связь между ними и уровнем алкоголизации обществами, также изменениями типа алкогольной культуры отрицать невозможно. Достаточно сказать, что по среднелитровому потреблению чистого спирта в начале и конце XX века Россия сменила 11–12 место на 2–3, с 3–4 литров в год на душу населения до 15–18 литров. Очень соблазнительно объяснить всё войнами, революциями и экономическими кризисами. Однако не всё так просто, как может показаться.

Вплоть до Сухого закона 19 июля 1914 года потребление алкоголя в России росло соответственно темпам урбанизации процессам социального расслоения в русской деревне, достигнув по официальной статистике около 5 литров на душу населения. Введение Сухого закона по официальным данным сократило потребление в 5–10 раз, однако статистика этого периода затруднена, кроме того, развилось самогонование и употребление суррогатов. Что касается Действующей Армии в годы 1-й Мировой войны, то здесь ситуация была сложнее. Из повседневного рациона частей алкоголь был исключён. Но в реальности нараставший моральный кризис Русской армии одним из следствий и проявлений, согласно данным исследователя А.Б. Асташова, был рост нелегального, но почти явного пьянства. Отчёты военной цензуры как типичные содержат такие цитаты из солдатских и офицерских писем: «На Пасху напьюсь, аж чертям тошно станет», «В день приезда на место все мои товарищи, в том числе и я, были вдребезги пьяны...», «Живётся мне хорошо, есть деньги и девки», «Кутили порядком, чёрт его дери, коньяком язык обжёг, но вином промыл» и т.п. [1, с. 536–544]

Итак мы имеем следующий феномен, определённая часть общества, существующая в условиях хронической экстремальности – войны, наращивает потребление алкоголя, причём в эксцессуальных его формах. Асташев вписывает это явление в общий контекст т.н. «культурного шока», который переживала Русская армия в Первой мировой войне. Под «культурным шоком» подразумевается состояние тревоги и депрессии при попадании человека в чужую культуру. Это стресс социальных изменений, связанный с быстрыми, радикальными и масштабными изменениями в жизни общества, вызывающий дезадаптацию и социальную аномию у отдельных людей, социальных групп и общества в целом. [1, с. 360]

Современная война оказалась именно таким шоком для подавляющего большинства русских солдат, вырванных из привычной среды. Не забудем, что уже до этого общество было в немалой степени дезориентировано начавшимися процессами распада традиционного общества в пореформенной России. Пьянство стало реакцией не на ужасы войны как таковой, а на социокультурную деградацию и общую летаргию социально-исторического проекта Российской империи.

Как известно, по масштабам вовлечённости и массовости жертв и лишений самым крупным экстремальным моментом в новейшей истории России стала Великая Отечественная война. И вот здесь нас поджидает сюрприз: по данным статистики военное лихолетье стало периодом чётко фиксированного исторического минимума потребления алкоголя в России за весь XX век и начало XXI. Показатели 1914–1920 годов, как отмечалось, не могут считаться полностью аутентичности по причине краха государственности, служб учёта и статистики и т.п. В 1941–1945 годах среднедушевое потребление алкоголя в пересчёте на чистый спирт составило 2,5 литра!

И это при том, что сухого закона не было. Более того, в Действующей Армии, в отличие от 1-й Мировой войны, выдача водки была регулярной и регламентированной Постановлениями ГКО и Приказами Наркома Обороны СССР. [5, л.627]

Общий их смысл сводился к тому, что военнослужащие, находящиеся в непосредственном соприкосновении с противником, получали ежесуточную порцию водки в 100 граммов. Бесспорно, были эксцессы и проблемы злоупотребления алкоголем, перерасхода водки, хитрости командиров подразделений, когда записки по личному составу подавались на 1–2 суток с отставанием от реальности, что позволяло получить как больше продуктов, так и спиртного. Приказы о строгом контроле за расходом водки, наказаниях виновных, запреты на передачу своей порции товарищам давали весьма ограниченный эффект.

Однако глубокой ошибкой, граничащей с негативной мифологизацией исторических событий, было бы представлять себе РККА военного времени как скопище хронически пьяных солдат и офицеров. По свидетельствам фронтовиков разного уровня, злоупотребления алкоголем являлись скорее исключением, нежели правилом, которому было привержено заведомое меньшинство военнослужащих во всех родах войск. В воспоминаниях, дневниках, интервью нередко можно встретить рассказы о тех или иных казусах, комических либо, наоборот, трагических случаях, которые были связаны с избыточным употреблением алкоголя.

Командир взвода танкового десанта Евгений Бессонов вспоминал, как пьяный в дым полковник во время Висло-Одерской операции застрелил другого комвозвода, заподозрив его в трусости. [2, с.239–240]

Иона Лазаревич Деген, командир танковой роты, рассказал о своём последнем бое, когда ему была поставлена фактически смертельная задача. Последовательно, он выпил стакан водки с командиром батальона, затем ему налил повар в офицерской столовой, а третий стакан он выпил со своим экипажем, предчувствуя, что задание это хорошо не закончится. «Если майор угощает водкой лейтенанта, значит, за угощением последует какая-нибудь гадость». «Я успел заметить откат моей пушки. И тут же страшный удар сокрушил моё лицо... случилось невероятное, что два

танка выстрелили друг в друга одновременно... Кровь, противно пахнувшая водкой, наполняла мой рот, и я глотал её, чтобы не задохнуться... Я ещё успел подумать, что никогда в жизни после этого не смогу прикоснуться к спиртному...» [3, 246–251]

В данном случае мы имеем тот случай, когда лошадиная доза водки была фактически поминками по самому себе. Хотя другой танкист, комбат Иван Маслов, говорил, что никогда не позволял себе и подчинённым употреблять спиртное в боевой обстановке, поскольку вероятность гибели или ранения повышалась в разы из-за искажения восприятия реальности под действием алкоголя.

Наконец, из истории войны известны случаи, когда фронтовики за всю войну вообще ни разу не позволили себе употребление алкоголя, какие бы трудности и лишения на их долю ни выпадали. Хотя, бесспорно, проблемы в регулировании употребления водки существовали. Известны случаи из архивных документов, когда командование частей и соединений было вынуждено ставить расходование водки на особый контроль, а на охрану складов со спиртным ставить особо надёжных солдат. Во время Яско-Кишинёвской операции был случай, когда немцы при отступлении предусмотрительно оставили нетронутым винный завод, что привело к задержке наступления целого стрелкового корпуса с советской стороны. Бывали случаи негласных договорённостей между красноармейцами и немцами о совместном использовании доставшихся на их долю винных ресурсов. Известен случай, когда штрафная рота организовала своеобразный бартер прямо на переднем крае (дело было зимой 1943–1944 года): немцам за каждую бутылку шнапса отправляли валенок. Прибывший командир дивизии застал роту в дым пьяной и разутой. От командирского мата бойцы пришли в себя, без выстрелов ворвались в немецкие окопы, отобрали валенки и набили спящим немцам по мордам. В 1941 году командир 44 кавалерийского полка Куклин был отдан под трибунал за то, что в пьяном виде на совещании командного состава открыл стрельбу из пистолета по не угодившему ему лейтенанту, а через день нанёс глубокую рану шашкой своему шофёру. [7, л.120–127]

Во всех приведённых случаях алкоголь не столько снимал стресс, сколько порождал проблемы. К тому же он выступал не столько способом релаксации и психологической компенсации, сколько симптомом слабой дисциплины и некоего куража.

В современной России перманентная экстремальная ситуация порождена непрекращающимися реформами. Однако, как показывает опыт изучения распространения социопатологий, включая пьянство и алкоголизм, они есть следствие не столько экстремальности как таковой, сколько распада социальности в результате деформации ценностных установок, нарушения устойчивой социальной структуры, массовых миграций в поисках работы. что неизбежно вырывает человека из

привычной социокультурной среды со всеми вытекающими. То есть мы опять имеем дело с культурным шоком и пьянством как результатом не стресса, а социальной аномии. Можно с достаточной уверенностью предполагать, что улучшение ситуации произойдет при условии восстановления традиционной системы ценностей, патерналистски-служилого государства и соответствующей ему социальной структуры. В этом случае, даже при сохранении неких экстремальных факторов социально-исторического развития, они не будут играть значимой роли в алкогольной культуре населения.

## **ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА**

1. Асташев А.Б. Русский фронт в 1914–начале 1917 года: военный опыт и современность. М.: Новый хронограф, 2014.
2. Бессонов Е.И. На Берлин! 3800 километров на броне танка. М.: Эксмо-Яуза, 2005.
3. Деген И.Л. Война никогда не кончается. М.: Эксмо-Яуза, 2014.
4. Дмитриев В.К. Критические заметки о потреблении алкоголя в России. М.: Русская панорама, 2001.
5. Приказ Народного Комиссара обороны Союза ССР от 25 августа 1941г. № 0320 «О выдаче военнослужащим первой линии действующей армии водки по 100 грамм в день» // ЦА МО. Ф.14. Оп.47. Д.182. Л.627.
6. Пыльцын А.И. Воспоминания командира штрафбата. М.: Эксмо-Яуза, 2010.
7. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦА МО РФ). Ф.32. Оп.11302. Д.87. Л.120–127.
8. Энгельгардт А.Н. Письма из деревни. М.: Алгоритм, 2010.

**Орлов И.Б.,**

доктор исторических наук, профессор  
(Московский государственный областной университет)

## **ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

*Аннотация.* В статье на примере Петербургского государственного университета путей сообщения, Таганрогского института, Московского государственного областного университета и ряда других вузов России рассмотрены основные компоненты и формы гражданственно-патриотического воспитания в системе высшего образования. Авторский подход заключается в том, что разрушение системы патриотизма в России привело не только к ослаблению постсоветской государственности, но и к